

Фокс Ис

Запретный мост

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Фокс Ис
Запретный мост

«Автор»

2026

Ис Ф.

Запретный мост / Ф. Ис — «Автор», 2026

Когда древний мост между мирами, разрушенный столетия назад, вновь открылся, мир погрузился в хаос. По роковой ошибке Аэлин втянула в эту бурю своего возлюбленного. Лишенная магических сил она должна бросить вызов судьбе - остановить надвигающуюся войну, раскрыть тайну виновника всех бед, вырвать любимого из лап опасности и уберечь мир от грядущей катастрофы — или пасть вместе с ним.

© Ис Ф., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	10
На грани «было» и «никогда»	10
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Фокс Ис

Запретный мост

Пролог

- Должна сказать, возможно это наша последняя встреча, меня объявили изменницей, если по приговору я буду виновна...- с тихим вздохом она посмотрела на него, их взгляды встретились. В глазах предательски зашипало, нет, она не будет плакать, не при нем. Это из-за нее он попал в такую передрагу. Ник молчал, в полумраке сложно было увидеть какие-либо изменения в его мимике, в прочем, как и всегда его лицо не выражало никаких эмоций, не считая, пожалуй, легкой меланхолии. Может он просто ждал продолжения, а может просто не знал, что ответить.

Саша достала пачку сигарет, оставалось две штуки. *"М-да, не густо. одну сейчас, одну в конце, нет, не выйдет. Не хочу, чтобы дышал дымом. Мой милый, милый Пион. Надеюсь, ты когда-нибудь простишь меня"* - Ее мысли были сумбурными, хотелось курить, пить, спать. Но больше всего хотелось, что бы все происходящее было дурным сном. Сколько они провели времени в темнице, несколько минут или часов, а может даже дней. Стены давили, в голове шумело. Острая боль пронзала виски. Сложнее всего было от непонимания, либо магия этого места настолько сильно давила, либо накатывала тихая паника. Из потока мыслей ее вывел голос Ника:

- Я думал ты бросила

- Собиралась, она должна была стать последней, но как говорится бойся своих желаний, она и правда последняя, - Саша усмехнулась, -да, последняя. Как я уже сказала, это наша последняя встреча. За измену империи полагается смертная казнь. Что станет с тобой - я не знаю, но домой ты точно не попадешь. В лучшем случае тебя скорее всего отправят в изгнание, а один в этом мире ты не выживешь. К сожалению, у меня нет для тебя никакого плана спасения, ты можешь попытаться добраться до города Ревита, но без знания местности и карт это сделать почти невозможно. Попытайся присоединиться к торговцам или путешественникам. Однако я все же надеюсь, что Его Величество столь же мудр и великодушен, как когда я видела его в последний раз, и он позволит остаться тебе в столице - начать новую жизнь, - на удивление, правду было говорить очень легко. Александра понимала, ничего не исправить, не изменить и не сбежать, а значит остается только правда.

-Понятно. Ты можешь рассказать мне подробнее про это... *место?*

- Все что смогу...

60 лет спустя

Смеркалось тихо, словно сама природа замедлила дыхание. Небо медленно окрашивалось в теплые оттенки - сначала искрилось золотом, затем розовато-лиловым светом, и глубоко синей тенью, где одна за другой загорались звезды. Дымок из трубы двухэтажного дома лениво тянулся вверх, смешиваясь с вечерним туманом, а по узкой тропинке, усыпанной опавшими листьями, шел старик.

Хоть шел он и медленно, но крепко, уверенно. В каждом его шаге чувствовалась любовь, отягощенная долгими годами ожидания. Его руки, сухие и в морщинах, сжимали трость, но он шел, совершенно на нее не опираясь, вперед его вело сердце.

Подойдя к калитке, старик отряхнул пальто, снял свою потертую шляпу, пригладил бороду. Могло сложиться впечатление, что входит он не в дом, а в святилище. Впрочем, так оно и было.

Он постучал в дверь, тихо, не настойчиво, как когда-то давно, кроткими тремя ударами, словно эхо прошлого: тук-тук-тук - сигнал, что папа дома, папа рядом, папа все решит, спасет, защитит.

Изнутри раздались шаги. Замок. И вот он стоит перед ним. Своим мальчиком, теперь уже взрослым мужчиной с сединой на висках и глазами, так похожими на его собственные.

Старик дышит - глубоко, с придыханием, словно впервые за долгие годы может наконец вдохнуть полной грудью. Губы дрожат. Он не говорит. Просто шаг вперед и руки обнимают крепко, так, как будто боятся, что все это - сон. Сын замирает на мгновение, а затем обнимает так же крепко, с такой же силой, с таким же трепетом. И не было больше тех лет разлуки, тоски и долгого ожидания. В один миг все стало совершенно не важно. Не было тех лет вдали друг от друга.

-Папа...- шепчет он. - Прости что...

-Сынок...

Они никогда не ссорились, просто каждый гнался за своей мечтой. Старик хотел стать известным художником, а сын хотел быть ученым. Судьба разделила их. Когда-то его сын уехал - сначала на учебу, потом остался в большом городе. Москва, Питер, уже не важно. Важно, что он не вернулся. Звонки были - сначала частые, потом реже. Потом только на Дни Рождения. А потом - тишина. Не враждебная. Просто... жизнь закрутила. У сына - своя семья, работа, ритм. У отца - картины, выставки, аукционы. Они не винили друг друга. Просто скучали

Любовь была, но молчала. А теперь - она вырвалась наружу. В одном объятии. В одном вздохе. В одном слове. И больше ничего не нужно. Только этот вечер. Только этот дом. Только эти объятия, в которых - целая вселенная любви, долгих лет ожидания и одного единственного, самого важного слова: семья.

- Дорогой, кто там? - из глубины дома доносится крик. И вот уже на пороге стоит женщина, высокая, статная, гордая. Волосы черные, как межзвездная пустота, кожа бледна, как нежная бумага, глаза серые, хладные, как сталь. Но взгляд ее полон нежности и доброты.

- Ой, Николай Константинович, здравствуйте! Вот так сюрприз, а мы никого не ждали, а тут, вы. Мне Сашка уже все уши прожужжал. Мы ведь и сами к вам на Новый год собирались. Да что же вы на пороге стоите. Ну, давайте, проходите, проходите в дом. У нас ужин как раз готов скоро будет. Саша! ну вот что ты стоишь. К тебе же отец приехал. ну хоть бы в дом пригласил, ну что за человек, а! Ну сам же говорил, что скучаешь, а сейчас родного отца в дом не пускаешь. Да не стойте вы, Николай Константинович. Вот там гардеробная, там верхнюю одежду можете оставить. Саша! Помоги отцу переодеться и бегом в гостиную, сейчас накрывать буду. - девушка все причитала и причитала, не давая вставить ни слова, она скрылась в глубине дома так же быстро, как и появилась.

Словно не дожидаясь вопроса Александр пояснил:

-Жена. К слову, большой поклонник твоего творчества. Мы познакомились, когда я практику в Норильске проходил, встретились да так и не смогли расстаться, - вздохнул, мысли путались, он хотел так многое рассказать, про многое спросить, этот миг казался сном, еще чуть-чуть, он моргнет и нет этого визита, нет долгожданной встречи, только годы и километры разлуки.

- Ну, ну, - старик покачал головой, - у нас будет время, много времени, я хочу знать все, чем живешь, чем дышишь, - он улыбнулся и с легким, заговорщицким тоном проговорил, - с внуками то хоть познакомишь?

Александр смутился, замялся, но виду не подал. - А то, как же, только вот...

Договорить он не успел. В коридоре опять возникла женщина, оперев руки в бока она строго посмотрела на мужа.

- Ну и долго ты будешь гостя на пороге держать? Николай Константинович, проходите, пожалуйста. Рассказывайте, как поживаете? Слышала у вас недавно выставка в Москве про-

шла, ой, вы знаете, я за всеми выставками слежу. Мне очень понравилась ваша последняя. То, как глаза героини выражают боль и терзания души, мне не описать словами как она вдохновляет. А вы с кого ее писали? Мне Сашка сказал что она на меня похожа, а я считаю совсем не похожа. А сможете так же нарисовать меня? Нет, лучше научите меня, пожалуйста, всегда хотела научиться писать картины так же, - она все продолжала говорить без умолку попутно обхаживая гостя. Александр не выдержал:

- Марьяна! Ты девочек позвала?

Девушка невольно вздрогнула, опустила голову. Она не успела ответить, как в комнату бежала девочка, звонко смеясь она размахивала листком бумаги над головой.

- Мама! Папа! смотрите что я нарисовала! Ой, А вы кто?

Она остановилась напротив старика. Старик замер, глядя на нее. Пристальным, изучающим взглядом окинул с головы до ног, покосился на своего сына и снова на девочку. Напряжение нарастало. Его взгляд стал печальным, несколько тусклым, в некоторой степени даже задумчивым. Он смотрел на белые волосы, на изумрудные глаза, что глядели на него так пристально, с неподдельным интересом.

- Варюш, познакомься, это твой дедушка, Николай Константинович, - робко, почти шепотом сказала Марьяна

- Дедушкаа? Настоящий? - она недоверчиво покосилась на старика, у всех в детском саду были дедушки, а у нее не было, а тут сидит он, настоящий, она не понимала, кто он такой, этот дедушка, но чувствовала, что за этим словом скрывается что-то веселое, невообразимо доброе и уютное.

Старик мягко ей улыбнулся. - Настоящий. А ты, стало быть, Варвара - краса - длинная коса? И сколько тебе лет дорогая?

- Шесть! У меня вчера зуб выпал, Во! Широко улыбаясь, она указала на пустующее место в зубном ряду. - Он выпал у меня быстрее чем у Симы. а в прошлый раз у нее выпал переее! Ой точно! -она вскочила, побежав по лестнице радостно выкрикивая: Сиимааа, дедушка приехал! Настоящий!

- Какая резвая, - Хоть он и улыбался, лицо его исказилось в глубокой печали. Не успел кто-либо что-то ответить, как по лестнице снова раздался топот маленьких ножек.

- Врешь ты все! Папа говорил, что дедушка далеко и мы увидим его только в новый год!

В гостиной появились двое, как две капли воды похожие друг на друга девочки. Пожалуй, отличить их можно было только по выражению лица - Варвара лучезарно улыбалась, ее взгляд выражал счастье и, пожалуй, любопытство. Сима смотрела с недоверием, хмуро, поджав губы, она медленно села напротив старика.

- Ну и кто ты такой? - спрашивает она тихо, но твердо. - У нас дедушки не было.

- Аксинья, веди себя прилично. - Строго одернул дочь Александр, виновато покосившись на отца. - ты извини, пап, Сима не доверяет новым людям, а как-то подготовить, сам понимаешь, не вышло.

Николай лишь покачал головой:

- Здравствуй Аксинья, я - дед Коля, ты извини что раньше меня не было, я был далече, но сейчас я здесь и вас не оставлю.

Сима прищурилась

- А бабушку ты не привез? Рядом с дедушкой всегда есть бабушка, а твоя где? Она тоже приедет издалека?

В комнате воцарилась тишина. Не известно по какой причине, но в этой семье эта тема старательно избегалась. Стоило маленькому Саше спросить, где его мама, Николай Константинович тут же менялся в лице, становился хмурый, не разговорчивый, от вопросов сына о матери отмахивался. В этот раз он лишь мягко улыбнулся и с некоторой грустью и даже дрожью в голосе проговорил:

- Нет, дорогая. Бабушки у меня нет, и она никогда не придет. Она ушла навсегда.

- Она на небе, да? - Аксинья подобралась поближе к деду и легонько приобняла его

- Да, на небе, но она присматривает за нами и очень рада, что у нее такие прекрасные внучки. Но полно о грустном, дорогие. - старик приобнял девочек и вечер наполнился красками со смесью радости, домашнего уюта и нежной печали, что терзали душу каждого из присутствующих.

Со стороны кухни послышался грохот, билась посуда, супруги что-то выкрикивали друг другу. Николай Константинович, увлекшись рассказами внучек даже не заметил, как сын с женой переместились на кухню. Глаза Варвары наполнились слезами, Аксинья же по привычке нахмурившись проговорила

- Опять ссорятся, дед, ты же помиришь их?

-Разберемся, - Николай подошел к дверям кухни

- Ты что же это, не видела, как он на них смотрит? Как изучает? Небось думает какой у него сын идиот. Любимая женушка рогов понаставила, а я слепой олень и радуюсь.

- Видимо и правда слепой олень, раз все еще поднимаешь эту тему. Я тебе все, и тест ДНК дважды делали и к генетикам ездили. А ты как баран уперся!

- Подделала! Точно, подкупила! - в приоткрытую дверь врезалась ваза, со звоном упала, разлетевшись на многочисленные осколки. Дверь скрипнула, открылась, на пороге стоял ошеломленный Николай Константинович, лицо его выражало недоумение и, кажется, злость.

- Действительно, баран. Ты по что сударыню обидел? Как смеешь кричать на женщину, что выносила и родила тебе детей? Я эти глаза из тысячи узнаю, не изменяла тебе Марьяна, а если бы и изменяла, так кричать, а тем более руку поднимать на женщину не имеешь права, что-то не устраивает - собрал вещи и ушел, а ты... тьфу, еще мужик называется. Разве я так тебя воспитывал? Стало быть, не доглядел, - Николай замолчал, словно делая передышку, устало сел на стул и продолжил уже спокойным голосом. - Они пошли в свою бабушку, вылитая копия твоей матери. Так что не смей эту тему поднимать. И веди себя по-мужски.

Александр не нашел что ответить, лишь подошел к жене и, встав на колени, целовал ее руки, не переставая извиняться. Слезы сожаления медленно стекали по щекам. Он не знал, чем мог загладить свою вину.

- Деда, а ты расскажешь нам про бабушку? - Варя выскочила в дверной проем

- А мы все слышали, - Сима заинтересованно оглядела кухню. Щеки Александра покрылись румянцем, он поднялся, хотел что-то сказать, но не успел, опередив его, Николай, взяв девочек за руки вывел с кухни.

- Про вашу бабушку, увы, я рассказать не могу. Да и детское время вышло. Как на счет сказки перед сном? Я знаю отличную сказку о Кошее Бессмертном и Василисе Прекрасной.

- Ну нет, мы ее уже много раз слышали, - Сима недовольно поморщилась.

- Уверен, что нет. Это сказка о брате, что правил тьмой и сестре его, что сожгла небо, а начинается она так...

Часы давно пробили за полночь. В камине дотлевали угольки. Александр с женой, уместившись под одним пледом, сидели в обнимку и шёпотом что-то обсуждали.

- Девочки уснули, - гордо сообщил дед, - ну, помирились?

- Да, пап, спасибо тебе. Скажи, почему ты никогда не говорил о маме? Прошу, расскажи о ней, я уже не маленький мальчик, я имею право знать.

Николай вздохнул, задержал взгляд на сыне, его глаза заблестели, а руки задрожали. Наконец, совладав с чувствами, он утвердительно кивнул.

- Да, имеешь. Ее звали Александра. К сожалению, наша история не похожа на романтическую сказку. Она была красива, умна, своевольна. Наверное, много кто хотел бы быть с ней вместе, но она выбрала меня. Я не любил Сашу ни дня ее жизни. Мы были друзьями, хорошими друзьями. Но она была влюблена, даже навязчива. Везде ходила со мной, постоянно писала.

Меня это смущало, даже раздражало, а сказать не мог, не хотел делать больно. Я был влюблен в ее сестру. На удивление моя Саша, когда узнала это, восприняла это спокойно, даже пыталась нас свести, безуспешно правда, - Николай усмехнулся, - моя Саша всегда выглядела веселой, но готов поспорить, ее душа разрывалась от боли. Она всегда была рядом, поддерживала, помогала, успокаивала, но я отвергал ее. По пьяни мы провели одну ночь вместе. Она подарила мне тебя, а потом.. потом... как сказала твоя дочь, она ушла на небо. Моя Саша ушла в вечность, не получив от меня ни капли тепла. Единственная женщина, что до безумия любила меня так и не смогла узнать какого это быть любимой.

Николай Константинович, лежа в гостевой постели, закрыл в глаза. И сон пришел к нему - не сказка, не вымысел, а воспоминание, далекое и запретное.

Она стояла на разрушенном мосту. Ее волосы развивались, белые как дым. Глаза ее, такие зеленые как весна после пожара, как драгоценный камень после тщательной огранки, смотрели пристально, не моргая.

- Я не человек, - сказала она тогда. - Я любила тебя, но теперь... Должна сказать, возможно это наша последняя встреча..

А потом утренний туман, ее призрак, и годы забвения.

Глава 1

На грани «было» и «никогда»

*«Влюбленность
начинается с того, что
человек обманывает себя, а
кончается тем, что
он обманывает другого.»*

Оскар Уайльд «Портрет Дориана Грея»

*Во
времена, когда звезда еще
падала сквозь года. Не
знавали ангелы, что значит плакать.*

Сказка о брате, что правил тьмой и о сестре его, что сожгла небо

Хлесткий звук разрезал тишину, резкий как выстрел. В наступившей тишине он прозвучал особенно отчетливо. Щека мгновенно вспыхнула алым пятном. Где-то раздался смешок. Саша подняла взгляд, было обидно и от самого удара, и от того, что эта сцена произошла у всех на глазах.

— Как ты могла, я думала мы подруги! — Некогда красивое лицо Карины было изуродовано гримасой гнева и боли. Разводы туши еще больше подчеркивали глаза, налитые кровью. Размазанная помада больше походила на шрамы, — я тебя, тварь, спрашиваю. Ты мне так отомстить решила? Матвей мой! Ты поняла меня, шлюха?!- Ее рука замахнулась для новой пощечины. Удара не последовало. Александра, сжимая кисть своей некогда близкой подруги, смотрела спокойно, ей было в какой-то степени даже смешно от абсурдности происходящего.

— Надо же, и это говорит мне та, что первая предала дружбу ради этого ублюдка. Мне тебя даже жаль. Ты думала что попала в сказку, но дай угадаю, Фалькнер оказался не тем, чем кажется. Мой тебе совет, беги от него, если еще можешь, — Саша мягко отпустила ее руку. Им больше не о чем было разговаривать, смерив холодным взглядом Карину, она быстро зашагала прочь.

Все нутро кричало — опасность, надо бежать, спастись. Ноги не слушаются, заплетаются, увязают в полу. Старый коридор университета словно застыл во времени, каждая секунда растянулась в бесконечность. Все пространство кажется липким, тягучим, вязким. Кажется что-то не так. Видны знакомые стены. Слышны голоса однокурсников, но все теряет четкость. Звуки отдаляются, меняются, они больше не похожи на голоса и смех. Кто-то скребет когтями по стеклу, противный скрежет пронзает тело, вырывается и вновь пронзает, он врезается в голову, сердце, легкие. Главное не забывать дышать, вдох, еще вдох, не выходит. Ноги подкашиваются. Александра опирается о стену. Руки и ноги леденеют. Стены сужаются, потолок опускается. Все давит, ещё чуть-чуть и все ее естество треснет, рассыпется, начнет медленно растворяться пока полностью не исчезнет. И не будет ничего, только пустота. Смерть. Она умрет сейчас и от этого не спастись.

— Эй, солнышко, ты в порядке?

— Папа? — Саша открывает глаза, сквозь пелену слез сложно разобрать фигуру перед собой, в надежде на спасение ее руки тянутся к этому человеку.

— Ну, если хочешь, я могу быть и папочкой, - он стоит, ухмыляется, определенно довольный сложившейся ситуацией.

Осознав свою ошибку, Саша отдергивает руки. Разум вопит — беги. Но все что она может это стоять перед ним, потупив взгляд и не смея ни шелохнуться, ни слова сказать.

— Свет мой обреченный, ты опять за старое? Сколько раз я просил тебя так не делать, ты же знаешь, я это не люблю, еще и слезы эти, сколько можно? Ты же не хочешь наказания? Отвечай!

— Фалькнер? Ты зачем тут? Извини. Все хорошо, - губы еле шевелятся, в горле встал ком, главное еще сильнее не заплакать, не плачь, нельзя, будет больно.

— Я не доволен тобой, как следует отвечай.

— Прошу простить мой господин, благодарю за ваше великодушие и беспокойство. Со мной все в порядке. Я поссорилась с Кариной и мне стало дурно, но благодаря вашему присутствию мне легче, — неведомая сила обрушилась на плечи, заставляя встать на колени. Он лишь усмехнулся, взял ее за подбородок и посмотрел в глаза. Матвей был столь же прекрасен, как и безумен. Его темно-карие глаза, казавшиеся бездонными, обрели совсем черный оттенок. Взгляд сделался жестким, тяжелым.

— Никогда не смей даже пискнуть о Карине, мышь. Она моя. И по сравнению с ней, ты лишь жалкая шавка, что путается у нас под ногами. Ты довела ее до слез и за это ты заплатишься.

«Что б ты сдох. Урод.» - Последнее, о чем она подумала в тот самый момент, как его рука врезалась в ее плоть, разрывая кожу и мышцы. Ее внутренние органы рассыпались на бетонном полу, она лежала в луже своей крови и чувствовала, как замедляется ее сердце. Боли не было, лишь пустота и холод. Здесь все и закончится.

Холод сменился жарой. Коридор окутали красные оттенки. Сознание разрывал звон колоколов. Крики людей. Кто-то сел рядом, гладил волосы, промакивал лоб тряпочкой и пел. Колыбельная? Песня была мелодичной, протяжной. Голос был таким родным, но от чего-то ныло сердце.

— *Мой бедный свет, баю-бай*

В мире есть тени, но ты засыпай

Месяц бледный - наше прощание

Шепчет нам одно лишь молчание

Спи пока есть еще ночь

Пока не настал тот срок

Когда станет наш путь далек

Рассвет - наш с тобой приговор

Баю-бай, не открывай

Веки полные печали

Сны - единственный приют,

Где нас больше не найдут.

Звезды гаснут, растает дым

Мир боле не станет младым.

Все что было - только тень,

Ты мой последний, любимый - день

Я люблю тебя, моя звездочка, мы с папой всегда будем рядом, а теперь вставай и иди, ты должна. Вставай и ничего не бойся, я всегда рядом.

— Ма, не уходи, ты нужна мне.

Лба коснулся легкий поцелуй

— Ты сильная

Женщина растворилась в воздухе призрачным дымом. Саша села на кровати, очень душно, дышать становится тяжелее, она подошла к окну, хотела распахнуть створки, метал обжог пальцы. Столпы огня окружили ее. В нос ударил едкий запах дыма. Голова кружилась. Не в силах стоять она села. Звон колоколов усилился. Все смешалось, крики мешали думать. Гул голосов сотрясал сознание:

- Я люблю тебя
- Ты лишь мясо
- Спасите мою дочь
- Сдохни
- Ты самое прекрасное чудо
- Бесполезная
- Я рядом
- Ты вечно все портишь
- Искра моего мира
- Ничтожество

Огонь обволакивал тело, опалая каждую клетку. Не в силах выдержать муки Саша кричала, больно, с надрывом, моля о помощи, в надежде что хоть кто-то услышит, но никто не пришел, никто.

— Козловская, ты совсем рехнулась? Нет ты, конечно, молодец, почти вровень с будильником, но я все же хочу просыпаться от него, а не от твоих криков. Вставай давай, на тренировку опоздаем.

Саша открыла глаза, лежа смотрела в потолок, пытаясь понять реальность происходящего. Дышать становилось легче. С трудом откинув одеяло она встала, приятная прохлада окутала тело. Сон уже начал стираться из памяти, оставляя лишь осадок тревоги — тяжелой, но такой знакомой.

— Извини. Я не специально.

Эля расхохоталась.

— Еще бы ты специально, — она прищурилась, — Фалькнер или пожар?

— Оба. Кажется, там была еще мама, она пела

— Не удивительно, ты настолько боишься своей матери, что она уже в кошмарах к тебе приходит. Еще и пела, уж не знаю, насколько у нее хороший слух, но зрелище наверняка эпичное. Может к психологу все же? Или ты в них не веришь? — Эльвира определенно была в хорошем расположении духа, ее оптимистичная натура не оставляла никаких шансов тревоге и унынию. Она обладала неведомой способностью — напитывать своей солнечной энергией даже самую опустошенную душу, заставляя желать и любить жизнь, какой бы не справедливой и тяжелой она не была.

— Я уже говорила, нет у меня денег на психолога, я последние тренерам заплатила.

— Божички-кошечки, это какой-то сюр, ты концы с концами еле сводишь, но сливаешь все средства на тренеров и упорно отказываешься от соревнований, на которых, между прочим не хилый такой призовой фонд. Как по мне, для общего развития не выбирают конный спорт и фехтование. Ходила бы просто в тренажерный зал, дешевле бы вышло.

Саша внимательно посмотрела в глаза собеседнице. Сердце болезненно екнуло и провалилось в пропасть. Хотелось закричать на нее, обвинить в лицемерии, но спешить нельзя, может быть, она тоже пощупывает почву доверия.

— Кто бы говорил. А у самой какая на то причина?

«Ну давай же, Элинор, скажи мне правду, я знаю, это ты, почему ты прячешься?»

— Мне это нравится, я и без соревнований знаю, что я — лучшая, к тому же, я не трачу ни копейки на свои увлечения, у меня нет потребности в попытках выжить, так что это не одно

и то же — на лице Эльвиры не дрогнул ни один мускул, напротив, ее лицо стало еще более расслабленным.

— Понятно. Тогда мне тоже просто нравится, — Александра пытается скрыть разочарование поспешила перевести тему — Я не пойду сегодня на конюшню. У Ника выпускной, это мой последний шанс. Я обязана сказать ему прежде, чем он уедет навсегда. Даже если он не ответит мне взаимностью, я должна, иначе все было бессмысленно, по крайней мере, я не буду чувствовать себя полной идиоткой, понадеявшейся на приворот.

Эльвира расхохоталась:

— Сюр. Только слепой и глухой не заметил бы твоих чувств. Он идиот если все еще не предпринял хоть что-то.

— Но он не обязан предпринимать, если не чувствует того же.

— Если он не чувствует того же, то как порядочный человек он должен подойти и расставить все точки над И, честно и прямо сказать «так и так мол, я не хочу недопониманий и недосказанностей, не хочу тешить тебя надеждами, но я просто мудака который долбит в глаза и не замечает столь прелестную барышню, ты слишком для меня хороша» ну и все в таком роде, а по итогу что? Правильнооо! Он просто маленький нарциссический мальчик, которому катастрофически хочется чувствовать себя важной курицей, за которой бегают хрупкая девушка, с яйцами по определению больше, чем у него.

— Но он же не такой, он стеснительный, ранимый, мягкий. Он бы никогда не посмел поставить меня в столь неловкое положение. Он просто... не такой, понимаешь?

— Ты хотела сказать тряпка?

— Да нет же! Он просто другой, не такой как все парни, — Саша нахмурила брови, было обидно слышать подобное о своем объекте воздыхания. Неужели никто действительно не видит в нем того, что видит она?

— Тряпка, вечно недовольный, депрессивный, вечно ноющий маменькин сынок. Да он больше похож на вечно трясущегося чихухуеньша, чем на нормального мужика. Оно тебе надо? — не дожидаясь ответа она вскрикнула, — Божички-кошечки! я опаздываю, все, братан, давай, удачи, счастья, здоровья, не хворай и привороты не колдуй, а то опять общагу чуть не спалишь, ББ.

Саша осталась наедине со своими мыслями. Сон давно выветрился из памяти, но все же что-то липкое, неприятное так и цеплялось, не желая отпускать. Конечно, можно было бы списать все на волнение перед признанием, но, увы, это не было приятным трепетом, окутывающим душу, оно не заставляло сердце трепыхать. Напротив, казалось, что тысячи мелких иголок непрерывно тычутся в кожу, сковывают движения. Казалось, что жесткая удавка стискивает шею, перекрывая доступ к воздуху. Казалось, что желудок выписывает кульбиты и вот-вот вырвется наружу со всем своим содержимым. Все же, деваться было некуда, а значит придется взять руки в ноги и смириться со всем происходящим.

«Так. Всего пара часов, и я поеду домой, еще пару часов». Рука дернулась. Коля посмотрел в зеркало. *«Отлично, даже ты против меня, да завяжись ты уже».* Придирчиво оглядев себя, он стянул с шеи недоразумение, чем-то из далека напоминающее галстук. *«Пофиг, пойду так, все равно никто даже внимания не обратит».* Можно было бы сказать, что настроение было ужасное, но учитывая всю обыденность происходящего, то его можно было назвать нормальным, обычным, среднестатистическим, одним словом - никаким.

Коля, или же Ник, как он любил представляться другим, удрученно сел на кровать. Идти совсем никуда не хотелось. Может сейчас он закроет глаза и резко перестанет существовать? Наверное, это было бы лучшим исходом. Никто и не заметит. Нет, родители будут огорчены, их расстраивать нельзя. Придется потерпеть. Ну ничего, еще немного и он уедет, дома он точно станет незаметным, про него все забудут. Тихая и мирная жизнь в маленькой деревушке обес-

печена. Он бы сидел, писал картины, а если повезет, то занялся бы музыкой и, возможно, имел бы все шансы попасть в клуб 27. Эх, вот если бы еще не надо было чистить снег да полоть грядки...

Из потока сумбурных мыслей его вывел звук сообщения.

Саша: Сильно занят?

Ник: Нет

Саша: Мы можем увидеться?

Ник: У меня есть примерно час. В комнате отдыха?

Саша: Не, давай к нам в комнату, Эля ушла

Ник: Ок

«Вот же. Только стоило задуматься о спокойной жизни как врывается она. Жаль Эли не будет, зачем вообще говорить, что она ушла, как будто я бы тогда не пришел. Я может хочу ее видеть, ну естественно, кто будет меня спрашивать». Сложно сказать был ли он рад, или же огорчен, скорее ни то, ни другое. Интуиция подсказывала, что ничего хорошего от этой встречи ждать не следует. И все же Саша одна из немногих, кто относился к нему по-доброму, а такое не следует оставлять без внимания.

Он остановился перед дверью, сердце стучало как в первый раз. По правилам общежития парням запрещалось входить в комнату к девушкам. Естественно, это правило никто никогда не соблюдал, абсолютно не обращая внимания на всю строгость и в какой-то степени предвзятость дежурных дам. Даже под угрозой выселения, ну или вовсе отчисления, находились смельчаки, а если быть точнее, то все без исключения, кто на регулярной основе нарушал все мыслимые и не мыслимые правила проживания. Сейчас, когда диплом уже почти на руках опасаешься совершенно нечего. Никто не посмеет и слова сказать, да и что же они скажут? Диплом не дадут? Или выселят? А коли выселят, то какая разница, если он выселяется сегодня сам? Так от чего же тогда так бешено стучит сердце? Хочется развернуться, уйти, лишь бы не входить в эту треклятую комнату. Словно его ждет там не хорошая подруга, а притаившийся монстр, что поглотит тебя, не оставив и следа. А если и так, то разве не этого он всегда хотел? В любом случае сбежать не выйдет, а значит делать нечего.

Стук в дверь отдается тихим эхом по коридору. Тишина. *«Так, мне можно входить? Или ждать приглашения? Может еще раз постучать? Может она не слышала. А если еще раз постучу она не посчитает меня навязчивым? А может она думала, что я приду не прямо сейчас? Может ее нет? Мне стоит попробовать войти, а вдруг она переодевается? Или все же постучать? Хотя зачем ей переодеваться, если я сказал, что сейчас приду? А если кто увидит, что я тут стою? Может ей написать, что я тут? Ну это глупо, почему тогда не стучусь и не вхожу. Почему нельзя просто сказать «входи»? Зачем было вообще звать, если не собираешься пускать...»*

—Ты там долго стоять собираешься? Может войдешь?

Ник вздохнул, неторопливо толкнул дверь. Саша стояла к нему спиной. Проникавшие в окно солнечные лучи окутывали ее фигуру золотистым сиянием, эффектно выделяя каждый изгиб тела. Платье из легкой ткани идеально подчеркивало все достоинства фигуры. Она стояла почти неподвижно, словно затаив дыхание, лишь легкое постукивание пальцами о подоконник выдавало ее волнение.

Очувтившись в комнате Ник впервые за долгое время ощутил спокойствие, безмятежность, время замедлилось, навязчивые мысли отступили. Как будто в серый, безликий мир ворвалась весна, а обычный карандашный набросок решили расписать акварелью.

Она стояла к нему спиной, всегда такая сильная, бодрая, живая. Ее нельзя было назвать хрупкой и нежной, она всегда справлялась сама и от того еще больше заслуживала восхищения и уважения. В ее прямой осанке была стать и гордость. Только темно зеленые локоны, струящиеся по плечам выдавали ее бунтарский характер.

Все ее тело кричало о жесткой дисциплине, об упорстве и выдержке. Лишь малая, почти незаметная деталь выдавала всю печаль ее силы духа. Не внимательный человек бы даже не заметил, но Ник, привыкший присматриваться ко всем мельчайшим деталям, знал — ее спина испещрена тонкими серебряными нитями, походившими на ветви старого дерева, застывшего в вечном рисунке. А кожа по всей правой руке была чуть светлее и плотнее, словно запечатала в себе отблеск далекого пламени. Эта была боль, сглаженная временем. Следы событий, о которых не говорят в слух, но именно они, как считал Ник, сформировали тот самый жесткий стержень ее характера.

Саша медленно обернулась, движение было плавным, почти элегантным. Девушка слегка приобняла себя руками, будто пытаясь согреться, что было несколько странным, учитывая тридцатиградусную жару. Ее взгляд не был устремлен в пол, наоборот, она смотрела на него, в его глаза, так похожие на орешник в солнечный день. Саша смотрела ему в душу и слегка улыбалась, а на щеках проскакивал едва заметный румянец.

— Здравствуй, ты пришел.

— Да, привет.

— Как твои дела?

— Нормально, твои как?

— Тоже.

Ник смутился. *«Она же не серьезно сейчас?»*. Он ожидал чего угодно, но только не будничного разговора. В любом случае, вида не подал. Он указал на кресло:

— Сяду?

— Ох, прошу прощения, конечно, садись, — Саша покраснела.

Девушка развернулась, намереваясь сесть на кровать напротив. Однако впопыхах запнулась о свою ногу, пошатнулась и не удержав равновесия неуклюже растянулась на полу.

«М-да, элегантностью и грацией здесь и не пахнет».

— Ты в порядке?

— Да, извини. -Смушенная, она поднялась, нервно поправила подол платья и очень медленно присела на край кровати.

— Зачем ты постоянно извиняешься? Ты же ничего не сделала.

— Ой, извини, привычка, наверное.

В комнате воцарилась тишина. Они смотрели друг другу в глаза, совершенно не моргая, каждый думал о чем-то своем. Александра теребила подол платья. Ник методично прокручивал металлический шарик в мочке уха. Не выдержав зрительного контакта, Саша отвернулась к окну.

— Ты проиграла, — констатировал он.

— Что?

— Что? Я думал мы играем в гляделки, — его интонация и выражение лица оставались неизменными.

Комната наполнилась звонким, отрывистым смехом девушки.

— А вот и неет, не проиграла, на мою сторону солнце больше падает, оно меня ослепило!

— И именно поэтому ты повернулась в его сторону?

Покраснев, Саша отвернулась в противоположную сторону.

— Нууу как бы это, ты права, сегодня и правда очень солнечно.

— Солнечно. Да! — Она активно закивала. — Очень солнечно, прямо ощущается запах лета.

— Да

Разговор стих. Пауза растягивалась. Пытаясь унять дрожь в руках, Саша пыталась их чем-то занять — то отбивала кончиками пальцев ритм, то в очередной раз пыталась ими похрустеть,

она прокручивала на пальце кольцо и скрупулёзно расправляла платье. Ник сидел неподвижно, лениво рассматривая узоры на плече.

— Я

— Я

Она хихикнула:

— Прошу, ты первый.

— Нет, ничего, что ты хотела сказать?

Безусловно, он имел ввиду то, зачем она его позвала. Саше не сложно было догадаться. Она вздохнула, собираясь с мыслями. Как же бешено билось ее сердце, оставалось только надеется, что он не слышит этот ритмичный, ускоряющийся стук. Она чувствовала, как кровь прилила к лицу, а жар стремительно поднялся от шеи к вискам. Ник выжидающе смотрел. Саша ощущала, как ей не хватает кислорода. *«Так, спокойно, милая, ты справишься, никто от этого не умрет, разве что только от стыда».*

— Я... Я хотела сказать... Хотела сказать, что ты... мм... ты знаешь, тебе очень идет эта прическа. — Она покраснела еще сильнее.

— Разве? Спасибо.

— Да, мне очень нравится когда ты заплетаешь их в хвост, ты сразу похож на Миямуру из Хоримии, ну, разве что волосы у тебя светло-русые, а не черные. Да и стиль в одежде у вас похожий.

— Хорошо, буду знать

— Ну, то есть я хочу сказать, что мне в принципе нравится подобный стиль, я люблю, когда парни так делают. Я хочу сказать... Люблю, когда у тебя волосы собраны в хвост. Я... я... люблю тебя...

Последние слова были сказаны неловко, тихо, почти шёпотом, тем не менее Ник их услышал, он внимательно посмотрел на собеседницу.

— Я знаю.

— Знаешь? А, ну я.. забудь, пожалуйста. Извини, что потревожила — голос стал совсем тихим, утратившим всякую энергию.

Ее губы задрожали. Пытаясь хоть немного взять себя в руки, она с силой прикусила внутреннюю сторону щеки. Сжала кулаки, ногти впились в нежную кожу. Глаза заблестели от влаги.

Ник хотел провалиться сквозь землю. *«Вот ведь, знал же, что так будет, идиот».* Он неспешно подошел, смахнул с ее щеки слезу и слегка улыбнулся:

— Ну вот, теперь я чувствую себя чудовищем. Не плачь, пожалуйста, мне больно видеть тебя такой, я не могу ответить так, как ты хочешь, но твои слезы видеть... невыносимо, — Ник глубоко вздохнул, замер, словно обдумывая что-то, а потом нежно обнял, положив ее голову себе на плечо.

— Я должен был с тобой объясниться с самого начала, да? Прости. Я не знаю, как вести себя в этой ситуации. У меня никогда никого не было, никто меня не учил. Все девушки, с которыми я пытался начать хоть какие-то отношения всегда меня отшивали. Камон, мне двадцать три, а я даже за ручку ни с кем не держался! Вот такой вот неудачник. Я совершенно не знаю, как вести себя с тобой. Я кое-что расскажу, ты, пожалуйста, выслушай и пойми.

Саша невнятно что-то пробормотала.

— Я даже не знаю с чего начать. Ты мне тоже очень нравишься, в какой-то степени я даже люблю тебя, но как друга. Я пока не готов строить с кем-то отношения, прости. Но я очень надеюсь на твою дружбу. Я почти не дружу с девочками, даже можно сказать вообще не дружу. Ты была бы моей первой. Понимаешь, со мной в детстве произошло много чего плохого и это формировало мою личность. Ты для меня очень приятный человек. Ты веселая, милая, красивая и мне очень приятно, что ты чувствуешь ко мне что-то. Но я не готов к каким-либо отношениям. У меня выработалось осознанное одиночество. Ну, то есть я хочу сказать, что мне

проще быть одному. Может раньше, в школе, это и было не осознанно, то теперь это выросло в то, что сейчас я имею. Можешь даже спросить у Миши, он всячески пытался меня уговорить встречаться с кем-то, но я отказывался, потому что мне так хорошо. Наверное, на меня повлияло еще то, что я не могу не то, что с девушками разговаривать, а вообще в принципе начинать с кем-либо диалог. Может я и задам пару вопросов, но потом начинается неловкая тишина и мне это очень не нравится, но я ничего не могу с этим поделать, такой я человек. За одиннадцать лет школы во мне это сильно усело, так как я это никому не говорил, мне никто не помогал, я просто держал это все в себе. Конечно, это твой выбор, хочешь ли ты продолжать общаться со мной как хорошие друзья, но встречаться я не готов. Пойми пожалуйста, дело совсем не в тебе, просто я сломанный человек и не сделаю тебя счастливой, я не могу дать тебе того, что ты хочешь и заслуживаешь. Однажды ты встретишь того, кто по достоинству оценит тебя, он будет готов на все ради тебя, ты будешь самой счастливой и желанной, он исполнит все твои мечты. тебе нужен сильный партнер, на которого ты сможешь положиться, тебе нужен человек что способен испытывать другие эмоции помимо грусти, тебе нужен сильный, добрый, нежный мужчина со здоровой психикой, и это не я. Поэтому, пожалуйста, не плачь. Такая девушка как ты не должна проливать слезы из-за такого как я, хорошо?

Саша шмыгнула носом, протерла глаза:

— Хорошо, извини, я не хотела ставить тебя в неловкое положение.

— Тебе не за что извиняться, это я должен.

— Ты уезжаешь сегодня? — Она попыталась сменить тему, нарочито бодро меняя интонацию.

— Да, если честно, мне надо уже идти, ну как, десять минут назад еще.

— Ой, прошу прощения. Задержись еще ненадолго, совсем чуть-чуть, это не займет много времени, — Саша подскочила, вытащила из шкафа небольшую коробку, бережно обмотанную в подарочную упаковку, с большим бантом сверху.

— Это тебе, на память, — она отвела взгляд

— Не стоило, у меня для тебя ничего нет взамен

— Ничего и не нужно

Уголки его губ слегка дернулись вверх.

— Если ты не против, я потом посмотрю, что там, мне правда пора.

— Да, конечно. — Саша встала с кровати, — ну, пока?

— Да

Они остановились друг напротив друга, их взгляды встретились. Ник раскрыл руки, приглашая в объятия. Саша прильнула к нему. Они так и стояли, долго, не шелохнувшись. Их сердца ускоряли темп, а дыхание становилось горячее. Она не хотела его отпускать, а он не хотел уходить.

Ник навис над ее ухом, его шёпот стал для Александры ударом молнией:

— Если хочешь, я могу поцеловать тебя на прощание.

— Хочу...-дыхание перехватило.

Он медленно приблизился к ее губам. Касание было мягким. Саша разомкнула губы, впуская порывы ветра в свое сердце. Они не спешили, робко проверяя границы дозволенного. Холодное, металлическое кольцо в его нижней губе обжигало, вызывая новые ощущения.

Их касания были робкими, неуверенными, томительными. С ее уст сорвался едва слышимый стон. Егохватило, что б вскружить Нику голову. Обхватив ее, он прижал ее к себе. Руки лихорадочно гладили ее по спине, а сам поцелуй наращивал темп, глубину, страсть.

Потребовалось достаточно большая сила воли, чтобы разорвать эту связь. Саша мягко отстранилась.

— Кажется тебе пора.

— Да

Он ушел, оставив за собой пустоту. Не смотря на такое окончание встречи, на душе было пакостно. Саша прислонилась к двери. В первые за долгое время она позволила себе не просто пустить скупую слезу, а горько разрыдаться. Громко, с надрывом, она выла, кричала, раскусывала себе щеки и до крови расцарапывала ногтями свои ноги, но ни что не могло утешить ее боль.

Какой-то странный порыв заставил ее резко успокоиться. Она прислушалась. Тишина. *«Какое знакомое чувство, откуда...»*. Саша нервно заходила по комнате. Утренняя тревога снова дала о себе знать, тошнота подступила к горлу. В один миг ее тело напряглось, оглушительная боль пронзила виски. Сердце пропустило удар. В голове больше не было мыслей. Она знала лишь одно - Ник в беде, и только она сможет ему помочь. Саша побежала туда, куда вело ее сердце, мысленно приготовившись к самому худшему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.